

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА**

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

Часть III

(доклады и сообщения о творчестве Ибн·Сины)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

БУХАРА ВРЕМЕНИ ИБН СИНЫ

Время Ибн Сины замыкает собой два века стремительного взлета науки на Ближнем и Среднем Востоке, которые А.Мец сблизился назвать "Ренессансом ислама". В самом деле, трудно удержаться от громких эпитетов, говоря об эпохе, когда в Средней Азии одновременно жили два таких титана, как Ибн Сина и ал-Бируни, но при этом следует учитывать, что именно в это время начинается перелом в интеллектуальной жизни общества, начало ее упадка, из-за которого в течение нескольких последующих веков здесь не появилось ни одного значительного ученого.

Упадок естественных и точных наук после XI в. характерен для всего мусульманского Востока, и его объясняют усилением религиозной идеологии, враждебной точным наукам; однако сами причины ее усиления требуют глубокого анализа. Для этого необходимо учесть сложный комплекс социальных, экономических и идеологических проблем. Отсутствие единой обязательной позиции, определявшейся в христианстве постановлениями соборов и пастырскими посланиями, допускало в мусульманском мире значительное разнообразие точек зрения, выраженное порой в таких идентиках, которые мы часто не в состоянии адекватно воспринять и оценить.¹ Резкие оценки и обвинения в неверии, встречающиеся в средневековой религиозно-философской полемике, не всегда можно принимать за господствующее мнение. Словом, для понимания того, как формировались научные убеждения и интересы ученого той эпохи, нам не достает всестороннего знания характера ее духовной жизни.

Даже в случае с Ибн Синой, располагая редчайшим документом – записью его рассказа о первой половине жизни, сделанной его верным учеником ал-Джуаджани,² мы остаемся в неведении, что случайно и что закономерно в его научной биографии, какие именно научные свершения воспринимались им и его современниками как открытия.

Во многих исследованиях жизни Ибн Сины подчеркивается его атеизм и враждебное отношение к нему мусульманских ревнителей веры. Но был ли Ибн Сина подлинным атеистом, или только казался таким наиболее рьяным поборником благочестия? Ответить на это можно только зная систему представлений значительной части мусульманских ученых, ибо резкие обвинения и преследования были

уделом не столько атеистов, сколько инаковерующих. Что же касается Ибн Сины, то даже крупнейший критик его философских взглядов, ал-Газали, не мог упрекнуть его в безверии и лишь осуждал за употребление языка.³

Вопрос о религиозных убеждениях Ибн Сины, как и многие другие неясные вопросы его жизни и творчества, еще ждут обширного исследования, мы же ограничимся в данной статье более скромной задачей: попытаться представить некоторые стороны жизни Бухары в последние 20 лет правления Саманидов, когда Ибн Сина сформировался как личность и ученик.

Как известно, Абдаллах, отец Хусейна Ибн Сины, был мелким чиновником, скорее всего по финансовому ведомству, что не пользовалось уважением благочестивых мусульман, но давало средства для безбедного существования. Послужив в Бухаре, он получил самостоятельный пост в селении Хурматан, а затем, женившись, переселился в административный центр округа, городок Абшину, где и родился Хусейн.

Абшина относилась к числу бывших дикканских резиденций, которые с возышением Бухары после арабского завоевания постепенно утрачивали прежнее политическое значение (подобно Вардане, Рамитану и Варахше), превращаясь в заходустые административные центры. Наиболее подробные сведения о ней мы находим у Нармаки: "Абшина. Имеет большой шахристан и мощную городскую стену;⁴ ей подчинен округ. Один день в неделю в ней бывает базар. Обработанные земли и пустоши этого селения являются вакфом ищущих знания...⁵". Спустя сорок лет ал-Мукааддаси смог в возможном сказать о ней всего несколько слов: "Абшина. В западной части /оазиса/ много газиев,⁶ обширный круг; чистая"⁷. Мукааддаси считал Абшину городом, но сам Ибн Сина, вспоминая ее, называл "селеньем".

В этих маленьких городках причудливо переплеталась согдийская старина и мусульманская новь. В Абшине стояла мечеть, построенная Кутейбой ибн Муслимом, привлекавшая богоолыцев даже из Бухары⁸, а в окрестных городках, (и, быть может, также в Абшине) открыто спрашивали дамусульманские праздники⁹, а кое-где арабский и персидско-таджикский языки еще не вытеснили согдийский¹⁰.

Бухарский оазис занимал своеобразное положение: он был старым оплотом ислама, расположенным казалось бы в самом сердце мусульманской Средней Азии, а в то же время на его границах

шила непрерывная борьба с кочевниками-язычниками. Укрепление государства при Исмаилле Самани, позволившее последнему отказаться от поддержания стены вокруг оазиса и произнести знаменитую фразу "Я - стена Бухары", не означало прекращения этой борьбы. Вокруг Пайкенда по крайней мере до середины X в. в крепостях-рибатах несли караул гази¹¹. Все это поддерживало особую воинственность духа бухарских мусульман.

Около 984 г. семья Ибн Сины перебралась в столицу. Поскольку отец, по-видимому, не занимался ремеслом или торговлей, то такой переезд должен означать, что ему удалось получить место в центральном ведомстве. Не исключено и то, что он хотел дать детям лучшее образование, чем его можно было получить в провинциальном городке.

Саманидская столица в ту пору была одним из крупнейших городов Средней Азии и превосходила по величине многие знаменитые города Ближнего Востока, такие как Дамаск, Иерусалим и даже Александрия. Подробные описания Бухары у Наршахи и ал-Истахри позволяют достаточно хорошо представить облик города детских и юношеских лет Ибн Сины¹².

Ядром города был домусульманский шахристан, расположенный на высоком холме, образованном многовековыми наслойлениями, пересеченный накрест двумя основными магистралями. Такие перекрестья, называвшиеся Чахарсу (Чорсу) или по-арабски "мурабба^а", обычно были центром торговой жизни города, но в Бухаре основные базары находились на иге к юго-востоке от шахристана. Холм древнего шахристана и сейчас отчетливо заметен, особенно его западный склон обращенный к Арку, а на перекрестке в XVI в. был построен купол Таки Заргаран.

Торговая аристократия, менялы, торговцы пряностями и тканями располагались на иге от шахристана, между сохранившейся до наших дней мечетью Магаки Аттари и куполом Таки Саррафан ("купол менял"). Далее на северо-восток или обувные, зеленые и другие менее значительные торговые ряды¹³.

Другим оживленным местом Бухары был район от иго-западного угла шахристана до Регистана (сохранвшего название до наших дней), где находился дворец Саманидов, присутственные места (диваны), соборная мечеть и государственная ткацкая мастерская (тирас), возможно, что здесь же были и лавки книготорговцев, которые упоминает Ибн Сина¹⁴.

На восток от шахристана, между ним и позднесредневековым кладбищем Нурабад, находился аристократический район Кушки Муган ("замки магов"), в котором до конца IX в. в замках среди садов жили потомки дихканов, выселившихся из города после прихода арабов и долго сохранявших верность зороастризму. При Саманидах его облюбовала новая знать и гвардейцы-гулями, платившие огромные деньги за удовольствие и честь жить в этом районе – до 4000 дирхемов за джудти гов.¹⁵ О прежних обитателях в конце X в. напоминали только названия "Кушки муган", "Синка муган" (Улица магов), Ворота улицы магов и Квартал дихканов.¹⁶

Центральную часть города, примыгавшую к шахристану, охватывала стена, сооруженная в 849–50 г. Местоположение некоторых из ее 11 ворот обозначено древними кладбищами¹⁷, но сведения письменных источников настолько неясны, что провести с уверенностью ее контур не представляется возможным, а иногда даже высказывается сомнение в ее существовании.¹⁸

При Саманидах Бухара значительно выросла. Новая стена (письменные источники молчат о времени ее строительства), по свидетельству ал-Истахри, охватывала территорию в полфарсаха,¹⁹ что у средневековых авторов при приблизительной оценке размеров городов обычно соответствует не 3, а примерно 2, (а то и меньше) км. Действительно, от западной границы города, проходившей вплоть до XVI в. по линии проспекта Хиёбон, образовавшегося после сноса стены²⁰, до восточной, проходившей восточнее медресе Каллабад²¹, несколько более 2 км. На севере и на юге границы Бухары примерно совпадали со стеной позднесредневекового города.²²

В этих пределах Бухара занимала площадь около 375 га, имеющая примерно 40–50 тыс. жителей.²³ Но это население распределялось очень неравномерно: на периферии было много садов, а в центре, в шахристане, куда не доходили каналы, дома стояли сплошными массивами без всякой зелени и даже без дворов, как в Самарканде того же времени.²⁴

По счастливому для нас совпадению почти в те же годы, когда семья Ибн Сины переселилась в столицу, Бухару посетил замечательный арабский географ ал-Мукалласи, оставилший красочное ее описание.²⁵

"Нумуджрас – столица Бухары."²⁶ Он напоминает Фустат густотой и чернотой почвы и обширностью базаров и похож на Дамаск постройками и окрестностями, и теснотой домов и многочисленностью балконов. Он расположен на равнине, каждый день увеличивается, и не видел я в неарабских странах более застроенной и более плотно

населенной медини. У нее семь ворот, обитых железом: ворота Нур, ворота Подкова, ворота Железные, ворота Кухендиза, ворота Бану Са⁶д,²⁷ ворота Бану Асад, ворота Медини. А за ней находится кухендиз,²⁷ которым владеют правители, в нем их сокровища и темницы. У него двое ворот: ворота Равнин и ворота Соборной мечети. А соборная мечеть находится в медине, в ней несколько чистых дворов, все эти дворы и все его мечети – великолепны, а все базары – прятны.

А у рабада – 10 ворот /дарб/²⁸: дарб ал-Майдан, дарб Ибрахим, дарб Мардакаман, дарб Калабаз, дарб Наубахар, дарб Самарканд, дарб Фагаскуи, дарб ар-Рамисаниба, дарб Хадшарун, дарб Гушадж и тянется от них застройка. А внутри их другие 10 дарбов, которые были застроены в древности, названия которых из них различны.

А царский дворец находится на равнине лицом к кухендизу и спиной к кибле.²⁹ И не видел я в странах ислама портала величественнее и впечатлительнее, чем портал /этого дворца/. И нет в этой стране /иерым/ города более застроенного и более беспокойного для его жителей, чем этот.

Он благословен для того, кто стремится в него, добычливый для того, кто ищет в нем пропитания, добрый к тому, кто живет в нем. В нем куханы прямые и бани оправтные, и улицы широкие, воды пресные, а постройки прелестные. Он – друг в пропитании и средствах существования, в нем много фруктов и ученых собраний. Сообщества их поразительны, а у простого народа есть знание фикха и воспитанность. В нем много подвижников и мало невежд. Он – местопребывание царей ислама и средоточие основательных ученых, обучают там только факихи и комментаторы Корана. Не увидали в нем сборщика податей и торговых сборов. Они /хитлы/ наслаждаются справедливостью султана и пользуются безопасностью и благодеяниями.³⁰

Но только дома в нем тесные, пожары частые, он вонючий, блочный, то жаркий, то холодный; колодцы соленные, каналы порчающие, отхожие места отвратительные, характер дикий, хищница дорогие, ткани дурные, педерастия явная. Он – нужник этого края и самый тесный из городов Востока.³¹ Примешают в него люди, открыто нарушающие мораль, скверные в общении,³² не уважающие общину, и появляются там слуги, которые надевают шелк и парчу, ныт из золотых и серебряных сосудов и пренебрегают делами веры³³.

Этот облик богатого и грязного, гордого своей славой и неудобного для жизни города Бухара сохранила до начала ХХ в. Разница, по-видимому, была только в том, что в X в. сюда стекалась большая масса денег, чем при последних бухарских эмпрах, так как Саманиды распоряжались значительно большей территорией. Эти деньги, превращавшиеся в жалование армии и чиновничества, сулили торговцам и ремесленникам надежные заработки и высокие прибыли и привлекали сюда искателей карьеры.

Многочисленность населения способствовала дифференциации его деятельности, узкой специализации торговли и ремесла. В крупнейших городах, таких как Каир-Фустат и Багдад, насчитывалось более двухсот различных профессий (включая сюда всякого рода обслуживавшую деятельность, вплоть до гадальщиков и толкователей снов). Наиболее массовые ремесла и виды торговли имели свои специализированные базары, по которым иногда назывались кварталы и целые районы города, но, по-видимому, нигде не было жилых кварталов, заселенных представителями одной профессии.

Насколько мы можем судить об облике среднеазиатских городов этого времени по археологическим данным, процесс обособления кварталов, сворачивания их вовнутрь, спиной к улице, еще только начинался. В центре города дома, почти не имеющие дворов, выходили прямо на улицу, но на окраинах с более свободным расселением и более замкнутым образом жизни обособление отдельных групп домов могло начаться раньше, особенно у иноверческого населения. Интенсивность образования самодовлеющих кварталов зависела от степени безопасности в городе: чем беспокойнее была жизнь, тем чаще приходилось прибегать к самообороне, тем быстрее они обособлялись.

Бухара при Саманидах, кажется, не знала острых внутригородских расприй. Ал-Мукааддаси, говоря о борьбе территориальных и религиозных группировок горожан во многих городах Хорасана и Средней Азии, обходит Бухару молчанием. Вероятно, господство суннитов было настолько подавляющим, что его никто не嘗тался оспаривать.³⁵ Это не значит, конечно, что в Бухаре не было острых социальных конфликтов, они до поры скрывались привилегированным положением жителей столицы. Слова ал-Мукааддаси, что в Бухаре не увидишь сборщика торговых налогов, вряд ли случайны, за ними скрывается особая политика Саманидов в отношении жителей столицы.

По представлениям мусульманских правоведов, с торговцев-мусульман полагалось брать только закат, благотворительный сбор в пользу нуждающихся, в размере 2,5 %, сбором и расходованием

которого должны ведать не государственные чиновники, а кади или иной представитель общины. В действительности же всегда существовали различные другие соборы, представлявшиеся горожанам неправедными и незаконными. Тот же ал-Мукааддаси отмечает, например, очень высокие торговые сборы в Иерусалиме. Саманиды, как видно, обходились без такого обложения и тем обеспечивали себе долгое время благосклонность населения страны.

Бухара, как и другие города мусульманского мира, не имела органов самоуправления. Все стороны жизни города вплоть до организации торговли контролировались и управлялись государственным аппаратом, а благоустройство всецело зависело от благотворительности государя или городских богачей. Так, при ал-Мукааддаси ремонт ирригационных сооружений в Бухаре, разрушенных паводком, взял на себя известный хадисовед Абу-ль-Аббас ал-Йаздаади.³⁶ Обычно организатором величайших работ в городе становился кади, который и в других случаях оказывался высшим представителем горожан перед властями. В более позднее время во многих городах Хорасана упоминаются старшины города, рапси, из числа почтенных горожан, утвержденные на этом посту государством, но их функции и пределы власти остаются неясными.

В этих условиях в мусульманских городах была очень велика роль лиц, которых современные социологи называют неформальными лидерами. Основная масса их происходила из среды мусульманских правоведов и богословов.

Называть их "мусульманским духовенством" можно только очень условно, так как большинство мусульманских юристов и богословов сочетало свои занятия религиозными науками с торговыми-ремесленной деятельностью, не составляя особого сословия³⁷. Истолкование догматов религии и этико-правовых установлений принадлежало не государственным и церковным учреждениям, а неслужилым горожанам, частным лицам, знания которых в области религиозных наук признавались окружавшими достаточными для вынесения собственного суждения. Неофициальность их мнений особенно импонировала собратьям по классу. Парадоксальность мусульманского права состояла в том, что государство теоретически не имело законодательной власти и роль неофициальных лиц, частных правоведов-факихов могла быть выше, чем государственных деятелей.³⁸

Все столпы ширата были горожанами, торговцами и ремесленниками, поэтому все этико-правовые сочинения наполнены апологией торговли-ремесленной деятельности как единственного честного способа приобретения средств существования, в противоположность жа-

лованию на государственной службе³⁹. Достижение материального достатка, необходимого для независимости мнения и не омраченных заботами размышлений о религии, возводилось ими в ранг религиозной обязанности. Обычных для феодальной этики проблем соотношения обязанностей вассала и сюзерена для фанхиев-горокан вообще не существовало. Шарият, с известными оговорками, можно считать идеологией горокан, моральной и организующей силой в их пассивной и активной борьбе против феодальных правителей. А идеалом, за который они боролись, была свобода торговли и ремесленной деятельности в рамках материальных и моральных обязательств, налагаемых шариатом. Все разногласия многочисленных школ и направлений суннизма и шиизма лежали в сфере обрядности, теологии и проблемы наследования духовной власти над общиной, мало затрагивая социально-экономическую сторону правового учения. По-видимому, даже исмаилитам, которому остальные мусульмане (а за ними и некоторые современные историки) приписывали отвержение шариата, не имел в этом отношении существенных отличий.

Влияние мусульманских ученых определялось их органическим родством с теми группами городского населения, из которых они вышли. Завоевать их значило завоевать сердца горокан. Саманиды прекрасно понимали это и оказывали им всяческое внешнее почтение. "К их обычаям относится то, что они не заставляют людей знания⁴⁰ целовать землю. В течение всего месяца рамадана они по вечерам устраивают собрания для диспутов в присутствии султана. Он начинает, задает вопрос, а затем его обсуждают ... У них нет обычая устраивать трапезу простонародье, но когда хотят оказать честь кому-нибудь, то вазир, который управляет делами, сажает его за стол с ними, как это сделали с Абу-и-Аббасом ал-Йаздани.⁴¹ А иногда в важных случаях они беседуют с послами, как беседовали с шейхом Абу Салихом, когда посыпали его к Абу-и-Хасану Главнокомандующему.⁴² Они всегда выбирают самого свершего в фикке, какой есть в Бухаре, и самого благочестивого, возвышают его, спрашивают его мнения, удовлетворяют его нужды и ведут дела так, как он скажет, - такого, как шейх, славный именем Мухаммад ибн Фадл⁴³".

Очень часто занятия фикком становились семейной традицией и возникали настоящие династии. В Бухаре IX-X в. большим авторитетом пользовались три поколения рода Абу Хайса, получившего эпитет Великий. Его сын Мухаммад сыграл важнейшую роль в создании общественного мнения в пользу приглашения Имама Самани в Бухару⁴⁴, а его внук упоминается в 30-х годах X в. как великий

авторитет в делах правоверия⁴⁵. Некоторые факихи меняли за свою жизнь несколько должностей. Так, Абу Наср Мансур ал-Харби, упоминаемый среди почтеннейших бухарцев своего времени⁴⁶, был сначала кади Фергани, затем помощником градоначальника (хакима) Нишапура, а после смерти Мухаммада ибн Фадла стал мухтасибом Бухары⁴⁷.

В конце концов такие деятели сливались с бюрократией и переставали быть выражителями мнения среднего слоя горожан, но на смену им из среды горожан поднимались новые знатоки религиозной истины, авторитет которых в глазах горожан не уменьшался из-за отсутствия громких титулов, ибо уважалось знание, с нашей точки зрения, холистическое и никчемное, но составлявшее важнейшую часть духовного существования людей той эпохи. Поставить передачу религиозных знаний под контроль государства удалось лишь в следующем столетии созданием широкий сети специальных высших школ – медресе.

Отношения между Саманидами и властителями дум горожан, не всегда были идеальными. С одной стороны, государи, оказывая им знаки внимания, считали возможным обходиться без их услуг: например при ал-Мукааддаси в отсутствие проповедника в соборной мечети Бухары хутбу провозглашал начальник полиции. С другой стороны, официально утвержденные лица теряли для горожан прежний авторитет. Это, как известно, сыграло решающую роль в последние дни Саманидов, когда Бухарцы не вняли призывам официальных хатибов помочь династии: "когда простой народ услышал это, то обратился к своим факихам и испросил фетву относительно участия в сражении и те запретили им это"⁴⁸.

Этот текст, впервые исследованный В.Р.Розеном, мы можем теперь понять несколько конкретнее, чем прежде. Сейчас выясняется, что горожане были не просто неорганизованной массой с оружием, а имели особую вооруженную организацию айтаров (или фит-ян), которых прежде считали просто разбойниками и бродягами. Как оказалось, звание айтара считалось почетным и понятие "айтары" (айтарское поведение) было равнозначным рыцарственности⁴⁹. Айтары в Хорасане в XI в. упоминаются довольно часто, а в Саманидское время в Бухаре они названы лишь однажды, в связи с восстанием 930 г., когда их выпустили из тюрьмы. Сейчас в нашем распоряжении появилось еще одно и очень интересное свидетельство официального признания организации айтаров в Бухаре.

В опубликованной 20 лет назад, но еще мало известной у нас

антологий диковинных событий, "Китāб аз-захā'ир" ар-Рашида ибн Зубайра, сохранился полулегендарный рассказ о приеме в 327/939 г. в Бухаре Насром II посольства из Китая. Сюжет его таков: Насру поступил донос на какого-то нишапурского безбожника, его привезли в Бухару и поручили внуку Абу Кафса разобраться в его убеждениях; обвиняемому удалось бежать в Китай, стать там вазиrom и убедить императора, что мусульманские страны легко завоевать; император направил посольство с провокационным требованием заплатить дань за 27 лет, но Наср устроил послам такой пышный прием и продемонстрировал столько войска, что устрашенные послы посоветовали императору принять ислам, что он и сделал⁵⁰.

Перед нами, несомненно, сильно романтизованный во славу ислама рассказ о посольстве ко двору Насра II, с которым уехал на Дальний Восток Абу Дулеф; возможно, что в основе рассказа лежит неизвестный отрывок из его записи⁵¹. И.Ю.Крачковский относил это событие предположительно к 331/942 г.,⁵² но теперь его можно точно датировать концом 938–939 г.

Для нас важен лишь один эпизод: встреча посольства горожанами. Для встречи посольства в Кермине был послан отряд добровольцев /ал-мутавви/⁵³ во главе с факихом Абу-л-Аббасом Ахмадом ибн Абд ал-Вахидом,⁵⁴ а бухарцам было приказано украсть город. Послы проследовали до Бухары и переноочевали в поле, "а когда они проснулись и посмотрели, то увидели, что весь мир колышется волнами с шумом и гамом, и были вынесены знамена /бунуд/ Бухары, а их в Бухаре 1700 знамен, и вышло с каждым знаменем от 200 до 1000 человек. (Это – только знамен айтаров, не считая значков /фалам/ газиев. ... Повезли их /послов – О.Б./ на конях, а город был уже украшен, разукрасили его от начала до конца шатрами из кусков шелка, покрытыми драгоценными тканями, и вышли женщины и мужчины, чтобы посмотреть на них. Когда они доехали до ворот города /мадина/, то их спешили и повели пешком через весь город /балад/, пока они не дошли таким образом до равнины у Нахр ал-мавали"⁵⁵.

В этом рассказе сквозь фантастический сюжет и гиперболы проглядывают очень достоверные детали первоосновы, которые невозможно было выдумать.⁵⁶ Полагаться на цифры этого сочинения невозможно,⁵⁷ однако сам факт участия отрядов айтаров со знаменами в высокоторжественной церемонии наряду с гвардией

и газиями не вызывает сомнения. Следовательно, ополчение горожан не было просто вооруженной толпой, а имело организованное ядро. ⁵⁸ Можно понять, что отказ бухарцев поддержать Саманидов оказался роковым для династии.

Однако в ту пору, когда семья Ибн Сины переехала в Бухару, еще ничто не предвещало скорой катастрофы. Саманидский двор привлекал к себе искателей карьеры и деятелей литературы и искусства, которые в то время не могли существовать без меценатов. "И была Бухара в правление Саманидов средоточием славы и Ка^бой царства, собранием выдающихся людей эпохи, местом восхождения звезд образованности земли, ярмаркой замечательных ученых"⁵⁹.

Мы хорошо знаем, что саманидская Бухара являлась центром формирования новой литературы на языке персидской, действительно, стала "местом восхождения" нескольких классиков персидско-таджикской литературы, но все это было частным случаем более общего явления — словесность составляла основу придворного образования, с помощью которого можно было добиться жизненного успеха. Религиозные знания подразумевались сами собой, но большинство придворных не шло дальше необходимого минимума: изучения Корана и основ фикха, остальное было делом специалистов. В придворном обиходе требовалось другое: хорошие манеры, умение вести занимательную беседу, составить предельно лаконичное выразительное послание, основанное на игре слов или неожиданном повороте коранической цитаты⁶⁰. Хорошим панегириком и изяществом канцелярского стиля можно было продвинуться в столице или добиться недурной должности в провинции, вроде начальника почты⁶¹, который получал то же халование, что и наместник, но имел еще удовольствие присматривать за его благонадежностью.

В соответствии с этим строилась иерархия ценности наук. Все, что обеспечивало успех при дворе и входило в обязательное образование государей и аристократии: грамматика, стилистика, знание поэзии и истории, — ценилось выше, чем практические науки. Даже такой широко образованный человек, как Абу Хайран ат-Таухиди, отдавал им предпочтение перед математикой⁶².

Только отдельные, наиболее широко образованные правители с природным влечением к науке в широком смысле слова выходили за рамки традиционных интересов и пристрастий. Тогда возникали такие грандиозные научные предприятия, как "Дом мудрости" ал-Мамуна в Багдаде и экспедиция по измерению градуса меридиана.

Но Саманиды не отличались особой любовью к этим наукам, хотя и собирали в свою библиотеку разнообразные книги по всем отраслям знания. Поэтому Бухара не привлекала к себе крупных математиков, астрономов или химиков. Если они и появлялись, то предпочитали искать более широкого поприща в других местах. Медицина также рассматривалась как обслуживающее ремесло, недостойное ни аристократа, ни особо благочестивого мусульманина. Показательно, что об одном из ученых саманидского круга, Абу-л-Хасане ал-Ибринки, ас-Са'алиби пишет: "он занимался медициной и астрологией, но занятие, которое давало средства к существованию - его стихотворство"⁶³.

Общественное мнение широких городских слоев также прохладно относились к математике и естественным наукам, остававшимся в лучшем случае безобидной забавой отдельных чудаков, вроде зеленщика, у которого Ибн Сина учился алгебре⁶⁴.

В исламе не было заложено враждебного отношения к определенным наукам и научным взглядам, они формировались в соответствии со взглядами людей, разрабатывавших мусульманскую доктрину. А этими людьми, как мы уже говорили, были выходцы из среднего слоя торговцев и ремесленников, которые с активной недоброжелательностью относились ко всему непонятному и ненужному для них. Для них равно неприятным было и то, что они считали излишествами придворных, и необязательные для мусульманина занятия ученых. Естественно, что когда такие люди добирались до высоких постов или под их влияние попадали могущественные государственные деятели, то в их руках оказывались сильные средства воздействия на инакомыслящих. Именно так в мусульманском обществе, первоначально знавшем только запрещение идолопоклонства, постепенно сложилось отрицательное отношение к изображениям живых существ, поскольку для среднего слоя горожан живопись была таким же проявлением осуждаемой роскоши, как шелковая одежда у мужчин и золотая посуда.

Занятия языческими "греческими науками", ненужными для постижения божественных истин, стояли в глазах благочестивцев в одном ряду с такими прегрешениями, как игра в шахматы, пенье и слушанье музыки, ношение шелковой одежды или занятие живописью. Но если они были не в силах запретить могущественным вельможам и их окружению отказаться от таких удовольствий, то создать атмосферу подозрительности и недоброжелательства к ученым, не имевшим обычно высокого положения в обществе, было несложно. И чем далее, тем более одиозными становились такие науки.

Приход Карабанидов означал не только превращение Бухары из столицы большого государства в провинциальный центр (что само по себе должно было вызвать отлив части образованных людей,ормившихся при богатом дворе Саманидов), но и торжество ортодоксии. Бухарские факихи недаром отметили в своей летописи относительно войны с Карабанидами их "хорошую веру"⁶⁵: тюркские ханы, сильно уступавшие Саманидам по культурному уровню, смотрели на местных богословов и факихов с куда большим почтением, чем прежние правители, допускавшие их до себя, но не подчинявшиеся. В новой ситуации факихи стали полными хозяевами общественного мнения.

В этих условиях занятия в Бухаре философией и логикой, особенно привлекавшими Ибн Сину, без могущественных покровителей становились затруднительными. К тому же у него, по всей видимости, не было состояния, достаточного для экономической независимости, а административная служба "у султана", о которой он сам глухо упоминает⁶⁶, оказалась неудачной⁶⁷. После смерти отца Ибн Сину уже ничто не удерживало в Бухаре. Ему не приходилось долго думать над выбором: искать покровительства у могущественного, но пренебрежительно относившегося к ученым Махмуда Газнави, или ехать к хорезмшаху, у которого собрался кружок талантливых ученых, близких Ибн Сине по взглядам – он выбрал второе.

Так кончился бухарский период жизни Ибн Сины, сформировавший его как мыслителя, и начались годы странствий, годы славы и преследований, взлетов и падений.

¹ Ср. разнообразные истолкования понятия "знание" мусульманскими учеными: Ф.Роузентал. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе, М., 1978.

² К этой записи восходят обе версии биографии Ибн Сины: см. Таттима сиван ал-хикма, та'лиф ал-имам Захир ад-дин... 'Алӣ ал-Байхаки, Іахұр, 1351; Ibn al-Qifti's Ta'rih al-Hukama'. Auf Grund der Vorarbeiten A.Müller's hrsg. J.Lippert. Leipzig, 1903.

³ На это указывает А.В.Сагадеев, см. его примечание в кн.: Ф.Роузентал. Торжество знания, с.337.

⁴ В тексте „,لم“, что может означать и цитадель, и просто любую крепостную стену. У Наршахи при описании селений оазиса цитадель всегда называется „,جَزْبَن“, а „,لم“, как несомненно следует из описания Варданы (там же), – городская стена.

⁵ Та'ріх=и Бухарә, тасхїх=и мударрис=и Ридәй, Тихрән /1318/, I8. Под "имущими знания" (طلبة علم) могут подразумеваться не только учащиеся, но и мусульманские учёные, которые всю жизнь "имут знания".

⁶ Добровольцы, сражавшиеся с язычниками.

⁷ *Descriptio imperii moslemici auctore ... al-Mokaddasi.* - Bibliotheca Geographorum Arabicorum ed. M.J.De Goeje. III. *Lugduni Batavorum*, 1877, c.282.

⁸ Та'ріх=и Бухарә, с.I8.

⁹ Абурайхан Бируни (973-1048). Избранные произведения. I. Памятники минувших поколений. Пер. М.А.Салье. Ташкент, 1957, с.254-255.

¹⁰ Ал-Муқаддасӣ, с.335-336.

¹¹ *Al-masalek wal masâlek by Istakhry re-edited by Muhammed Abd el Aâl el Hîlî*, Cairo, 1961, c.I75; Та'ріх=и Бухарә, с.22; сп. также: ал-Муқаддасӣ, с.282.

¹² О.А.Сухарева. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки). Ташкент, 1958, с.I3; А.М.Беленицкий, И.Б.Бентович, О.Г.Болышаков. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, с.232-254.

¹³ Любопытно, что не только торговцы пряностями и парфюмерией и менялы, но и торговцы обувью вплоть до начала XIX в. продолжали торговать примерно на тех же местах. См. Л.И.Ремшель. Из истории градостроительства на Востоке (Материалы по планировке старой Бухары). - Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962, с.239.

¹⁴ *Ibn Abi Usaybia hrsg. von A.Müller*. Königsberg, 1884, с.3; ал-Кифтӣ, с.415.

¹⁵ Площадь, которую пара быков может обработать за день (0,4-0,5 га) или за сезон (7-12 га). Последняя мера употреблялась в Средней Азии в XIX в. (В.Хинц. Мусульманские меры веса с переводом в местрическую систему. Е.А.Давидович. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии, М., 1970, с.I22-I23), но земля в городе никогда не измерялась такими большими единицами, поэтому здесь речь идет о 0,4-0,5 га.

¹⁶ Название Куий Дежкан сохранилось в вакфной грамоте I407-

8 г., позволяющей локализовать этот квартал в гузаре Мулло Найрави (О.А.Сухарева. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976, с.295, 300), на территории бывшего шахристана, а не восточнее его. Однако, судя по Наршхи (Таріх-и Бухара, с.68), Куйи Муган (Синка муган), явно находившаяся вне шахристана, не отделялась стеной от Куйи дихканан. Возможно, с X до XV в. несколько изменился объем местности Куйи дихканан (Куйи дехкон).

17 В.А.Шипкин. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, с.18-19.

18 Реконструкция, предложенная автором данной статьи (Средневековый город..., рис.95), вызвала ряд возражений (Е.А.Давидович. Дискуссионные вопросы в кн.: А.М.Беленицкий, И.Б.Бентович, О.Г.Большаков "Средневековый город Средней Азии". - Древность и средневековые Средней Азии, М., 1978), которые автор с благодарностью принимает в той мере, в какой они помогают исправить фактические ошибки и слабые места аргументации, но остается при прежнем мнении о расположении стены южнее канала Шахруд.

19 Во всех арабских рукописях географий ал-Истахри и Ибн Хаукаля - фарсах, диаметр города в полфарсах указывается только в персидском переводе (Масалик ва мамалик, та'ліф Абу Исхак Ибраһім Истахрі, тарджама-йи фарсі аз қарн-и 5/6 хиджрі. Тихрân, 1340, с.239), ему приходится отдать предпочтение, потому что Бухара явно никогда не простиравась на 5-6 км и, кроме того, при переписках и переводе слово "половина" скорее пропало бы, чем появилось там, где его не было.

20 О.А.Сухарева. Бухара XIX-XX века (Позднефеодальный город и его население), М., 1966, с.31; О.А.Сухарева. Квартальная община..., с.150.

21 О.А.Сухарева. К истории городов..., с.53-56; Она же. - Квартальная община..., с.296-301.

22 Южные ворота рабада Бухары, Ворота Ибрахима, упоминаемые Кубави (ал-Истахри, с.62), находились около поздних ворот Намазгах (О.А.Сухарева. К истории городов..., с.36), на севере же холм с могилой Абу Хафса всегда был вне города.

23 Ранее указывалась несколько большая площадь (400-450 га) высчитанная по недостаточно точным планам (Средневековый город,

с.247, 265), но это исправление не влияет на прежнюю оценку численности населения, поскольку соответственно уменьшается и площадь мангитской Бухары, по данным которой определялась плотность населения.

24 Г.В.Шинкина. Городской квартал УШ-ХI вв. на северо-западе Афрасиаба. - Афрасиаб, в.П. Ташкент, 1973.

25 Пребывание ал-Мукаддаси в Бухаре приходится на 983-985 гг., так как в 984 г. он проезжал через Серахс (ал-Мукаддаси, с.65).

26 Первоначально Бухарой называлась вся область, затем ее название перешло на столицу ("столица Бухары"), и только после X в. собственное имя города забылось совершенно.

27 Кухендиз - цитадель.

28 Дарб - улица и одновременно ворота на ней.

29 Кибла - направление в сторону Мекки. В Средней Азии мечети ориентированы на запад - иго=запад.

30 Текст, заключенный в звездочки, взят из Стамбульской рукописи.

31 Тим - караван-сарай или здание торговых рядов.

32 Под Востоком разумеется восточная часть мусульманского мира.

33 **مسامرات**, можно также понимать как "торговые сделки".

34 Ал-Мукаддаси, с.280-281.

35 События, связанные с принятием карматства Насром II и его окружением недостаточно ясны, но и тогда резкое изменение религиозно-политической ориентации и последующие репрессии сторонников карматов не сопровождались вооруженной борьбой между различными группами горожан.

36 См. о нем: The Kitāb al-Ansāb of 'Abd al-Karīm ibn Mu-
hammad al-Samā'ī reproduced in facsimile... by D.S.Margoliouth.
Leiden-London, 1912. (Gibb Memorial Series, XI), c.599a.

37 H.Cohen. The economic background and the secular occu-
pations of muslim jurisprudents and traditionists in the classi-
cal period of islam. - Journal of economic and social history
of the Orient, v.13, 1970.

- 38 Сказанное относится к периоду до ХI в.
- 39 См.: S.D. Goitein. *The rise of the near-eastern bourgeoisie in early Islamic times*. — Cahiers d'histoire mondiale, III, 1957, N 3.
- 40 Людьми знания (ахл ал-‘ilm) называли не всех ученых, а только занимавшихся религиозными науками, прежде всего — фикхом.
- 41 Хадисовед, ум. в 409/1018-19 г. (ас-Сам‘ани, с.599а)
- 42 Абу-ль-Хасан Мухаммад ибн Симрикури, наместник Хорасана, носявший титул Сахиб ал-джайш.
- 43 Мукааддаси, с.339; Абу-ль-Хасан Мухаммад ибн Фадл ал-Хатиб, в последний период жизни был мухтасибом Бухары (*Al-Ansab by al-Imam Abi Saad Abdul Karim b. Muhammad al-Sama'i*, v.IV, Ed. by Abdur Rahman b.Yahya al-Mu'allami al-Yamani, Hyderabad, 1964, с. 1).
- 44 Средневековый город..., с.324-325.
- 45 Аз-захр’ир ва-т-тухәф ли-л-кадї ар-Рашид ибн Зубайр... хаккакау Мухаммад Кумайдаллах, каддама жаку ва рәлжаку Салах ал-дин ал-Мунаджжи, ал-Кувайт, 1959, с.140.
- 46 Мукааддаси, с.339, прим. н.
- 47 *Al-Ansab by ... al-Sama'i*, IV, с.115-116.
- 48 *The eclipse of the Abbasid Caliphate. Oriental chronicles of the fourth Islamic century*. Ed. H.F. Amedroz and D.S. Margoliouth, v.III, London, 1921, с.374.
- 49 Средневековый город..., с.344-346.
- 50 Аз-захр’ир, с.139-151.
- 51 В известных до сих пор отрывках Первой записи Абу Дулефа нет сведений о пребывании посольства в Бухаре.
- 52 И.Ю.Крачковский. Избранные сочинения, т.IV, М.-Л., 1957, с.186.
- 53 327 г.х. = 31.Х.938 – 17.Х.939 г.
- 54 В тексте: Абу Ахмад ибн Абд ал-Вахид, с явным пропуском части хуны. Полное имя и сведения об этом деятеле – *Al-İmrāl by al-Amīr al-Hafiz Abi Nasr Ali b. Hibatullah Ibn Makula* (d.1005 A.D./475), v.I, Hyderabad, 1962, с.448, прим.3.
- 55 Аз-захр’ир, с.145.

56 упоминается неизвестное по другим источникам селение между Кермине и Дабусийей (أَسْرُوْنِسْ), приводится имя малоизвестного бухарского факиха, командовавшего добровольцами, и, наконец, впервые приводится арабское название загородной резиденции Саманидов, Нахр ал-Мавали, известное в персидском варианте Джии Муллян.

57 Сама тема антологии – рассказы о самых богатых добычах, о самых дорогих подарках и наследствах и т.д. – толкала составителя на преувеличения. Поэтому, например, дань в 60000 дирхемов, которую обязались платить жители Мервверруда арабам (ал-Безаурӣ, с.406), превратились у него в 60 "тысяч тысяч" (аз-Захā'ир, 246). Точно также 1700 отрядов айваров даже по 200 человек составили бы гигантскую армию в 340000 человек, превышающую численность взрослого мужского населения всего оазиса. Заманчиво в цифре 1700 видеть число всех айваров Бухары (при мерно 20 % взрослого мужского населения города, если исключить гвардию и придворных).

58 Вероятно, за айварами закрепились отдельные участки обороны городской стены, на что указывают названия "Башня айваров" в Самарканде XI в. и Бухаре нач. XУ в. (Средневековый город..., с.342).

59 Йатима ад-даҳр фī маҳасин аҳл ал-‘аср ли-Абӣ Мансӯр ... ас-Са‘алийӣ, Ҳакқакаҳу ва фассалаҳу ва дабатаҳу ва шараҳаҳу Муҳаммад Муҳий ад-дӣн ‘Абд ал-Ҳамид, дж.4, Миhr I377, с.101.

60 Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы. Пер. с персидского С.И.Баевского и З.Н.Ворожейкиной, М., 1963, с.38–47.

61 Йатима, 4, с.I34, I54.

62 Китаб ал-имтā‘ ва-л-му‘āнаса, та‘лīf Абӣ Ҳайъān ат-Тауҳидӣ ва хува маддӣ‘ мусаммрāt фī фунӯн шитā ... ал-джуз’ ал-аувал, сахҳаҳаҳу ва дабатаҳу ва шараҳа гарбӣҳи Аҳмад Амӣн ва Аҳмад аз-Зӣн, Байрут-Сайдā, /1953/, с.96–104.

63 Йатима, с.I57.

64 ал-Байҳакӣ, с.40.

65 The eclipse..., с.374.

66 Ибн Абу Усаибия, с.4; Ибн ал-Кифти, с.345.

67 Вероятнее всего, что он находился на службе у Мунтасира, последнего борца за власть Саманидов; тогда понятно, что после его ухода из Бухары административная карьера Ибн Сины окончилась. Но нельзя также исключить службу у местного караканидского владельца.

А.Б. Халидов

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ
И НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ИБН СИНЫ (980-1037).

О жизни и деятельности Ибн Сины известно очень многое, гораздо больше, чем о других ученых средневекового Востока. Мы обязаны этим прежде всего трем биографическим сводам, содержащим по обширной статье про Ибн Сину, — ал-Байхаки, ал-Кифтى и Ибн Абй Усайбй^и.¹ Самый ранний из них, труд ал-Байхаки относится к середине XII века, т.е. написан сто с лишним лет после смерти Ибн Сины; корасанец ал-Байхаки преимущественно жил в Низвапуре и встречал людей, которые через два-три поколения помнили некоторые рассказы об Ибн Сине и считали себя последователями его школы. Труд ал-Кифты был создан в середине следующего (XIII) века, в Халебе, т.е. в значительном отдалении от тех мест, где протекала жизнь Ибн Сины, но его биографическая статья по полноте и точности данных не уступает статье предыдущего а в литературном отношении превосходит. Ибн Абй Усайбя писал ненамного позднее ал-Кифты и тоже в Сирии (Дамаск), но почти целиком зависит от него; ценность его сведений определяется тем, что ему был доступен оригинал труда ал-Кифты, который до нас донес в сокращении, также сделанном еще в XIII в. Немаловажно что все три статьи включают в себя перечень трудов Ибн Сины. Можно сказать, что эти источники в основном совпадают и лишь в деталях расходятся или друг друга дополняют; тому есть легко объяснимая причина.

Ал-Байхаки и независимо от него ал-Кифтى пользовались одни и тем же более ранним источником, не дошедшим до нас описанием жизни Ибн Сины, которое было составлено его преданным учеником ал-Джузаджан^и. Исследовав встретил Ибн Сину в 32-летнем возрасте